

Научная статья

УДК 343.32

DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-19-23

Ограничение свободы выражения мнений в современных реалиях гибридной войны против Российской Федерации

Сергей Владимирович Криштопов

Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, Луганск, Россия
sergeykrishtopov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5745-6688

Аннотация. В статье рассматриваются законодательство Российской Федерации и отдельные источники международного права, регламентирующие возможность и пределы ограничения свободы выражения мнений в современных условиях гибридной войны против Российской Федерации, а также решения высшего судебного органа конституционного надзора по их соответствию Основному закону страны. В обоснование приведенной точки зрения проводится анализ судебной практики по вновь принятым в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в 2022 г. статьям с выявлением закономерностей в мотиве совершенного преступления (административного правонарушения). На основе неоднократных фактов привлечения к административной ответственности отдельных лиц в статье сформулированы предложения по изменению диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, экстремизм, специальная военная операция, гибридная война.

Для цитирования: Криштопов С. В. Ограничение свободы выражения мнений в современных реалиях гибридной войны против Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 11, вып. 1. С. 19–23. DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-19-23

Original article

The Curtailment of Freedom of Expression Under the Current Conditions of Hybrid Warfare Against the Russian Federation

Sergey V. Krishtopov

Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Lugansk, Russia
sergeykrishtopov@gmail.com, ORCID: 0000-0002-5745-6688

Abstract. This article examines the legislation of the Russian Federation and selected sources of international law governing the possibility and limits of restricting freedom of expression under the current conditions of hybrid warfare against the Russian Federation, as well as the rulings of the supreme judicial body of constitutional review on their conformity with the country's Basic Law. To substantiate the presented viewpoint, the article provides an analysis of judicial practice concerning the articles newly introduced in 2022 into the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Offences, identifying patterns in the motive behind the committed crime (or administrative offence). Based on repeated instances of individuals being held administratively liable, the article herein sets forth proposals for amending the disposition of Part 1 of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, extremism, special military operation, hybrid warfare.

For citation: Krishtopov SV. The Curtailment of Freedom of Expression Under the Current Conditions of Hybrid Warfare Against the Russian Federation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2026;11(1):19-23. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-19-23

Статья 29 основного закона нашей суверенной страны гарантирует каждому свободу слова и мысли, с ограничениями, не допускающими агитацию, пропаганду превосходства (социального, расового, национального, религиозного или языкового), возбуждение по этим признакам ненависти или вражды.

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены в рамках федерального законодательства не иначе как для целей защиты основ конституционного строя, безопасности государства, его обороны, прав и законных интересов иных лиц. Подобные ограничения могут налагаться.

Российская Федерация как правопреемник СССР также соблюдает Международный пакт о гражданских и политических правах (далее — Пакт), согласно ч. 1 ст. 19 которого каждый человек вправе беспрепятственно придерживаться своих мнений, а в силу п. 3 ст. 19 — охрана государственной безопасности, общественного порядка, «...» нравственности населения является основанием для ограничения такого права в соответствии с законом. Следует отдельно отметить, что по состоянию на момент подготовки статьи Пакт ратифицировали 172 страны.

Основным источником федерального законодательства, ограничивающим права и свободы для указанных целей, следует считать Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — ФЗ № 114)¹. Он же содержит легальное определение экстремизма (экстремистской деятельности), в котором устанавливаются критерии противоправности при публичном выражении мыслей².

В 2022 г. с началом специальной военной операции внесены изменения в УК РФ, так или иначе ограничивающие свободу слова, в частности:

– статья 207.3, запрещающая публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ (далее — ВС РФ), исполнении государственными органами своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии РФ;

– статья 280.3, регламентирующая привлечение к ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования ВС РФ в целях защиты нашего государства, его граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами РФ своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия

¹ О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Российская газета. 2002. 30 июля.

² Там же.

в выполнении задач, возложенных на ВС РФ или войска национальной гвардии РФ;

– статья 280.4, запрещающая провозглашение публичных призывов к осуществлению деятельности, направленной против безопасности РФ, либо к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности РФ;

– статья 284.2, криминализирующая призывы к введению мер ограничительного характера (санкций) в отношении как нашего государства, так и его граждан и юридических лиц.

Ряд из указанных статей предусматривает административную преюдицию, что создает дополнительные возможности для исправления лица без привлечения к уголовной ответственности.

Как правильно отмечает Ахметшин А. С., криминализация некоторых подобных деяний постоянно оспаривается на площадке судебных инстанций [1, с. 208].

Мы сознательно не будем приводить доводы заявителей, поскольку их суть сводится к мнимому нарушению их прав и свобод, в частности, рассматриваемой в статье свободы слова. Основной довод Конституционного Суда Российской Федерации при рассмотрении таких жалоб заключается в том, что если гражданин, реализуя свои права и свободы (включая свободу мысли, слова, «...» право иметь убеждения и действовать сообразно с ними), в то же время нарушает права и свободы других лиц и такое нарушение «...» носит общественно опасный и противоправный характер, то он (то есть виновный) может быть привлечен к публично-правовой ответственности, преследующей цель охраны публичных интересов³.

Не менее важным доводом является утверждение высшего судебного органа конституционного надзора о том, что принятые государственными органами РФ соответствующие решения и меры не могут быть произвольно, исключительно на основе субъективной оценки и восприятия, поставлены под сомнение с точки зрения их направленности на защиту интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности⁴.

Поддержка обществом решений и мер создает необходимый морально-психологический настрой лиц,

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1399-О // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://docs.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf> (дата обращения: 08.11.2025).

⁴ Там же.

непосредственно решающих соответствующие задачи и выполняющих тем самым воинский, служебный и гражданский долг.

Одновременно в решении суда мы видим оценку фактов направленности действий граждан, которым придается видимость конструктивного выражения позиции, а в действительности направленных на дискредитацию соответствующих решений, мер и деятельности. Такие действия граждан, безусловно, противозаконны.

Наличие подобного законодательного запрета, по нашему мнению, кроме изначальной цели, направленной на ограничение противоправных публичных призывов, преследует и превентивную цель, защищающую информационное поле нашего государства от возможности манипуляций.

Ни для кого не секрет, что против Российской Федерации ещё до начала специальной военной операции была развязана гибридная война. В связи с этим, мы разделяем точку зрения И. Н. Панарина, считающего, что гибридная война против нашего государства странами Запада ведется более 100 лет [6, с. 60], включая события Февральской революции 1917 года.

Однако мы полагаем, что данные временные рамки можно обоснованно расширить, в частности, до событий Смутного времени, после которых последовало множество иностранных попыток завоевать наши земли, в том числе путем инспирирования внутренних конфликтов.

Как следует из Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (далее — Стратегия), именно события на территории сопредельного государства используются недружественными странами для развязывания гибридных войн против нашего государства и разжигания агрессивных русофобских настроений в мире.

Нельзя не согласиться с мнением В. В. Меркурьева и О. В. Бобровой, констатирующих факт распространения средствами массовой информации, имеющими статус иноагентов, информации, дискредитирующей специальную военную операцию на Украине и российских военнослужащих. При этом намеренное искажение информации авторами отмечается как плод деятельности иностранных и международных неправительственных организаций [2, с. 137–152].

Кроме того, лица, не согласные с политикой, проводимой государством в целях обеспечения его национальных интересов, могут стать потенциальными исполнителями преступлений в интересах специальных служб сопредельного государства, активная вербовка которых проводится на системной основе. Результат анализа приговоров судов различного уровня по признакам преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3, 280.4, 284.2 УК РФ, демонстрирует ярко выраженную антироссийскую

и проукраинскую мотивацию действий преступников.

Например, гражданка Российской Федерации, совершив преступление, предусмотренное п. «д» ч. 2 ст. 207.3 УК РФ, «...руководствовалась мотивом политической, идеологической, национальной ненависти и вражды, имея пренебрежительное, враждебно-агрессивное отношение к действующим органам исполнительной и законодательной власти Российской Федерации...»¹.

Ярко выраженные антироссийские лозунги содержат преступные публичные действия некоторых осужденных по ст. 280.3 УК РФ². При этом некоторые из них поддерживают иностранных агентов, называющих себя либеральной оппозицией³, и ненавидят Родину. Другая часть, являясь популярными блогерами, использовала в качестве аудитории своих подписчиков в социальных сетях, набирая несколько сотен тысяч просмотров⁴.

Гр. С., имея многочисленные факты привлечения к административной ответственности в связи с неповиновением действиям сотрудников полиции по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ⁵, а также нарушениями при проведении публичных массовых мероприятий по ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ⁶, в ходе рассмотрения в отношении нее судом дела по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280.3 УК РФ и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, заняла позицию непризнания вины и реализовала право на проведение суда с участием коллегии присяжных заседателей⁷.

При этом по ст. 20.3.3 КоАП РФ к административной ответственности она привлекалась дважды —

¹ Приговор Труновского районного суда Ставропольского края № 1-6/2025 от 11 марта 2025 г. по делу № 1-6/2025.

² Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 09 сентября 2025 г. по делу № 1-624/2025; Приговор Константиновского районного суда Амурской области от 23 июля 2025 г. по делу № 1-49/2025; Приговор Магасского районного суда Республики Ингушетия от 31 октября 2023 г. по делу № 1-413/2023.

³ Приговор Мирнинского городского суда Архангельской области от 06 июня 2025 г. по делу № 1-2/2025, Приговор Ефремовского районного суда Тульской области от 28 марта 2023 г. по делу № 1-63/2023.

⁴ Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 23 мая 2025 г. по делу № 1-247/2025.

⁵ Постановление Ново-Савиновского районного суда города Казани от 08 июля 2022 года по делу № 5-2437/2022.

⁶ Решение Верховного Суда Республики Татарстан 27 апреля 2022 года по Делу №7-861/2022; Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 3 марта 2025 г. по делу № 5-154/2025.

⁷ Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2025 г. № 11-УД25-7СП-А4.

в 20221 и 20252 гг. То есть факт привлечения её в 2025 г. к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ состоялся уже после привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ и признания приговора законным Верховным Судом РФ.

Стоит отметить, что в связи с наличием таких фактов, по нашему мнению, подлежит изменению диспозиция ст. 280.3 УК РФ, ведь повторный факт совершения действий по дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации во всех случаях должен предусматривать исключительно привлечение к уголовной ответственности. Учитывая, что административная преюдиция преимущественно направлена на пресечение совершения лицом противоправных действий впредь, при их последующем осуществлении такая преюдиция перестает выполнять заложенную превентивную функцию. Вследствие этого нам представляется лишней формулировка в диспозиции ч. 1 ст. 280.3 УК РФ «в течение одного

¹ Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 24 августа 2022 года по делу № 7-1641/2022.

² Решение Верховного Суда Республики Татарстан от 04 июня 2025 года по делу № 7-478/2025.

года». Так одного факта привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ является более чем достаточным, чтобы сформировать у него (а соответственно и у других лиц) мнение о недопустимости совершения подобного рода деяний. Кроме того, приведенный выше пример демонстрирует отсутствие страха перед подразумеваемой за нарушение санкцией.

Поэтому мы полностью согласны с мнением ученых, что законодательное урегулирование является одной из комплексных системных мер по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе распространяемым с помощью как цифровых платформ, так и социальных сетей [3, с. 44–53; 4, с. 91–97]. Такое противодействие наиболее эффективно в рамках реализуемой государством последовательной антикриминальной политики [5, с. 52].

Таким образом, в условиях развязанной гибридной войны в отношении нашего государства ограничение свободы мнений в ряде обозначенных случаев представляется более чем обоснованной мерой, соотносящейся с положениями международного права. Кроме того, усматривается тенденция к необходимости корректировки уголовного закона.

Список источников

1. Ахметшин А. С. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2025. 387 с.
2. Меркурьев В. В., Боброва О. В. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях // Обозреватель. 2023. № 1 (396). С. 137–152.
3. Кобец П. Н. Оптимизация мер, направленных на антитеррористическую защищенность объектов с массовым пребыванием людей // Вестник ВИПК МВД России. 2024. № 2 (70). С. 44–53.
4. Кобец П. Н. Противодействие экстремистским и террористическим преступлениям, совершаемым с использованием интернета и социальных сетей // Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации: материалы Луганского международного юридического форума, Луганск, 16 мая 2025 года. Луганск : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации», 2025. С. 91–97.
5. Кондратюк С. В., Алипова А. М. Антикриминальная стратегия государства: противодействие экстремизму. Часть 1. Теоретические основы криминологико-криминалистической профилактики экстремизма // Вестник экономики, управления и права. 2025. Т. 18, № 1. С. 46–68.
6. Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 58–71.

References:

1. Akhmetshin AS. Criminal Law Counteraction to Crimes with Elements of Extremist Activity in Ensuring the Foundations of the Constitutional Order and State Security: diss. ... Cand. of Jurid. Sci. St. Petersburg, 2025. 387 p. (In Russ.).
2. Merkuryev VV., Bobrova OV. Protecting Russia's sovereignty in modern geopolitical realities. *Observer*. 2023;(1 (396)):137-152. (In Russ.).
3. Kobets PN. Optimization of measures aimed at anti-terrorist security of facilities with mass gatherings. *Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(2(70)):44-53. (In Russ.).
4. Kobets PN. Countering extremist and terrorist crimes committed using the internet and social networks. In Features of countering hybrid threats against the Russian Federation: materials of the Lugansk International Legal Forum, Lugansk,

May 16, 2025 Lugansk: Federal State Treasury Educational Institution of Higher Education «Lugansk Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation». Pp. 91–97. (In Russ.).

5. Kondratyuk SV, Alipova AM. State anti-crime strategy: countering extremism. Part 1. Theoretical foundations of criminological and criminalistic prevention of extremism. *Bulletin of Economics, Management and Law*. 2025;(18(1)): 46-68. (In Russ.).

6. Panarin IN. Fundamentals of the «Hybrid War» theory. *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law* 2019;(4):58-71. (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Криштопов — ученый секретарь Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, подполковник юстиции, заслуженный юрист Луганской Народной Республики.

Information about the authors

S. V. Krishtopov — is an academic Secretary of the Lugansk Academy Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of law science, lieutenant Colonel of Justice, Honored Lawyer of the Lugansk People's Republic.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена
после рецензирования 25.02.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after
reviewing 25.02.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.